

Рассказать об этом человеке меня побудил уголок боевой славы, созданный в ереванской средней школе № 104. Среди многочисленных автобиографий дедушек, чьи внуки учатся в этой школе и которые были написаны по просьбе отрядных вожатых, я случайно обратил внимание на документы гвардии рядового в отставке Григория Карапетовича Сагателяна. Из воспоминаний о военных буднях простого советского солдата чувствовалось, что память еще не знакомого мне человека хранит много интересных эпизодов тех трудных дней. Это обстоятельство и побудило встретиться с ветераном.

Сын баязетского крестьянина, познав с детских лет нелегкий труд землепашца, Г. Сагателян в 1936 году переехал в Ереван и поступил на обувную фабрику № 1, ныне один из филиалов прославленной обувной фирмы «Масис». Через короткое время молодой рабочий заготовительного цеха стал одним из первых стахановцев нашей республики. Григорий Карапетович вспоминает, что имя простого русского парня Стаханова в то время было на устах всех комсомольцев и молодежи обувной фабрики. Комсомольская организация предприятия к концу каждого дня вывешивала в проходной итоги трудового соперничества.

14 июня 1941 года, за неделю до вероломного нападения гитлеровской Германии на нашу страну, Григория Карапетовича призвали на краткосрочные военные курсы. Отсюда он доброволь-

цем попросился на фронт, но командование Закавказского военного округа сочло нужным направить Григория Карапетовича не в действующую армию, а к южной границе. Далее его путь пролегал через Баку и Махачкалу, а отсюда в будущий город-герой Новороссийск. В составе морского десанта Григорий Сагателян сражался в 1942-м за Крым. В конце 1943 года в боях за Кавказ Григорий Карапетович был

ленных районов. Бои были ожесточенные. Немцы много контратаковали, совершали ночные вылазки. Действовало много немецких снайперов. Помню, в одну из ночей вплотную к нашим позициям с потушенными фарами подкрались 5—6 бронетранспортеров, так сказать, небольшой сухопутный десант. Наши часовые были начеку. Несколько вражеских солдат мы убили, остальные, поняв, что их затея бессмыс-

ет Григорий Карапетович, — развернулись упорные, ожесточенные бои — Январь того далекого 45-го выдался туманным, что создавало определенные трудности для нашего наступления. Нам очень помогала артиллерия, которая держала под постоянным артобстрелом позиции врага. После артподготовки и поддержки авиацией, мы вошли в Инстербург. Здесь я был легко ранен в плечо, но идти в госпиталь

летчикам буквально ошеломить врага бомбовыми ударами. Немцы большими группами начали сдаваться в плен. Оставался последний очаг сопротивления гитлеровцев на Земландском полуострове — город Пиллау.

Бои за Пиллау продолжались с 13 по 25 апреля. В этот день, наконец, красный флаг был водружен над последней крепостью гитлеровцев в этом районе. Здесь же, в местечке Фрише-Нерунг, я встретил Победу.

После окончания войны Григорий Карапетович остался на сверхсрочной военной службе. Он вспоминает, как в их часть в 1946 году приехал Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян, в то время командующий военным округом. Григорию Карапетовичу поручили отразить маршалу о готовности их полка выполнять поручения Родины. Маршал поинтересовался, получает ли он письма из Армении.

Сейчас ветеран на заслуженном отдыхе. Его часто можно видеть среди молодежи, с которой он ведет большую военно-патриотическую работу. В конце нашей беседы я попросил Григория Карапетовича показать его боевые награды. Он кавалер ордена Славы III степени, награжден двумя медалями «За боевые заслуги», медалями «За взятие Кенигсберга», «За оборону Кавказа» и другими. Позже, за примерную службу в рядах МВД СССР, он был удостоен медали «За безупречную службу» всех степеней.

Э. СОГОМОНЯН.

Память

РЯДОВОЙ ПОБЕДЫ

сильно контужен. После нескольких месяцев госпиталя, его направили в состав 217-й гвардейской стрелковой дивизии.

— В октябре 1944 года, — вспоминает ветеран, — в составе 5-й гвардейской армии I Украинского фронта мы дошли до границ Восточной Пруссии и вступили в ее пределы. Здесь был создан сильно укрепленный плацдарм для развертывания наступления.

В январе 1945-го, согласно плану нашего командования, здесь начали осуществлять Восточно-Прусскую стратегическую операцию. Бойцы знали все ее сложности, чувствовали свою ответственность перед Родиной за исход предстоящих боев. На политинформациях и в армейской газете говорилось о том, какое значение придают в рейхе удержанию крупных промыш-

ленно, кинулись обратно к машинам. Захватили раненого. Это был совсем еще мальчик, буквально несколько дней назад прибывший на фронт. По приказу Гитлера, в последний год войны на фронт забирали вот таких юнцов и стариков. Некогда могущественная немецкая военная машина явно начинала трещать по всем швам под ударами Советской Армии.

Я невольно вспомнил этого немецкого парня, когда после войны, на одной из выставок нашего художника Сергея Арутчяна увидел карикатуру, на которой был изображен немецкий старик с грудным ребенком (оба в военной форме), отправляющиеся на фронт. Но из сказанного вовсе не следует, что враг был ослаблен и сломлен.

— В полосе от Тильзита до Инстербурга, — вспомина-

наотрез отказался — ведь впереди был Кенигсберг.

Наше наступление на Кенигсберг развивалось медленно. Гитлеровцы, получив пополнение со стороны моря и уплотнив оборону, ожесточенно сопротивлялись. К тому же, кроме плотного тумана, теперь нам мешала еще и весенняя распутица. Из-за погодных сюрпризов действия нашей авиации оказались скованными. Возникли трудности и с доставкой боеприпасов. Воспользовавшись нашей паузой, гитлеровцы сильно укрепили район Кенигсберга. Гарнизон крепости достигал нескольких десятков тысяч немцев и находился под прикрытием вражеских военных кораблей. Штурм начали 6 апреля. Под прикрытием артиллерии мы двинулись вперед за нашими танками. Прояснившееся на короткое время небо позволило нашим